

ТЮПА
ВАЛЕРИЙ
ИГОРЕВИЧ



Доктор филологических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет, профессор.

Москва, Россия

E-mail: v.tiupa@gmail.com

УДК 101.9

БАХТИН КАК ПЕРСОНАЛИСТ

Аннотация. Работа посвящена выявлению принадлежности Бахтина к персонализму как доминантной философской идентификации его мировоззрения. Предлагаются онтологическая, гносеологическая и семиотическая характеристики персонализма, который возводится к «Монадологии» Лейбница. В качестве альтернативы персоналистическому мировоззрению выдвигается пантеизм.

Ключевые слова: персонализм, пантеизм, монада, универсум, тотальность, соборность, полифония сознаний, онтология интерсубъективности.

Valeri I. Tiupa

Russian State Humanitarian University
E-mail: v.tiupa@gmail.com

BAKHTIN AS A PERSONALIST

Abstract. The work is devoted to the identification of Bakhtin's belonging to personalism as the dominant philosophical identification of his worldview. The ontological, epistemological and semiotic characteristics of personalism are proposed, which is traced back to Leibniz's "Monadology". Pantheism is proposed as an alternative to the personalistic worldview.

Keywords: personalism, pantheism, monad, universe, totality, conciliarity, polyphony of consciousness, ontology of intersubjectivity.

DOI: 10.47850/2410-0935-2025-20-178-183

© В. И. Тюпа 2025

М. М. Бахтина обычно причисляют к интеллектуальной программе *философского диалогизма* (Бубер, Розенцвейг, Розеншток-Хюсси и др.). Реже при этом вспоминают о *персонализме* (Мунье, Маритен, Лакруа и др.). Однако с не меньшими основаниями Бахтина следует видеть среди персоналистов. Более того, как мне представляется, именно персонализм Бахтина привел его в ряды диалогистов.

По Бахтину, именно *личность* и *вещь* (а не материальное – идеальное или субъективное – объективное) являются полюсами и последними пределами бытия и познания, между которыми располагается все многообразие феноменов жизни. В частности, человек представляет собою не только личность, но в известной степени и «вещь» (в силу своей телесности, стереотипности поведения, определенности своего характера). «Любой объект знания (в том числе человек) может быть воспринят и познан как вещь» [Бахтин 1979: 363].

И напротив, любой объект личностного внимания в контексте диалогического отношения к нему внутренне «превращается в субъект (другое я)» [Бахтин 1979: 350]. Вследствие этого мы любим иногда неодушевленные предметы, нематериально дорожим ими. По Бахтину, абсолютная вещь – это абстракция, для человеческой практики «всякое целое (природа и все ее явления <...>) в какой-то мере личностно» [Бахтин 1979: 409].

Непосредственным предшественником такого воззрения следует признать Вильгельма Штерна, немецкого философа начала XX века, более известного в качестве психолога, в частности, изобретателя IQ. В 1906 – 1924 годах он публиковал в Лейпциге свой трехтомный труд «Личность и вещь. Система критического персонализма»¹. Отсылок к данному труду в наследии Бахтина я не встретил, но упоминания о достижениях Штерна в области детской психологии имеются.

В отличие от вещи, выступающей суммой частей, детерминируемой внешними обстоятельствами, личность мыслилась Штерном уникальной внутренней целостностью, обладающей целенаправленным *саморазвитием*, способностью к творчеству и ценностной активностью: ценности вещного мира не присущи ему изначально, они *привносятся* в этот мир личностями. Человеческая личность, эмпирически присутствуя в мире вещей, подлинно существует в своем индивидуальном личностном мире, который не совпадает с миром коллективного опыта.

Бахтин мыслил личность подобным образом. Ему, как известно, была присуща поляризующая трактовка категорий. Подобно Штерну он поляризовал категорию личности относительно категории вещи. В частности, он настаивал: «Нельзя забывать, что вещь и личность – *пределы*, а не абсолютные субстанции» [Бахтин 1979: 367].

К такого рода формуле Бахтин неоднократно возвращался. Мысль и практика, писал он, «совершаются между двумя пределами: отношениями к *вещи* и отношениями к *личности*. *Овеществление и персонификация*». Они стремятся к одному из этих пределов, «никогда его не до/стигая» [Бахтин 1979: 370/371].

¹ См.: Stern W. Person und Sache. System des kritischen Personalismus. Bd. 1-3. Leipzig, 1906-1924

Принципиально важное для Бахтина уточнение состоит в следующем: «Но персонализация ни в коем случае не есть субъективация. Предел здесь не я, а я во взаимоотношении с другими личностями, то есть я и *другой*» [Бахтин 1979: 370]. Здесь мы имеем сопряжение персонализма и философского диалогизма. В раннем трактате «Автор и герой в эстетической деятельности» герой, будучи объектом завершения, еще не мыслился Бахтиным как диалогически «другой».

В наброске 1940-х гг. «К философским основам гуманитарных наук» Бахтин писал: личность и вещь «необходимо охарактеризовать как пределы: чистая, мертвая вещь, имеющая только внешность, <...> может быть только предметом практической заинтересованности. Второй предел – <...> диалог, вопрошание, молитва» [Бахтин 1979: 409].

По рассуждению «главных» персоналистов Эмманюэля Мунье и Жана Лакруа, личность представляет собой некоторое внутреннее содержание, нуждающееся во внешнем проявлении. Присутствие «я» в мире всегда протекает на грани двух альтернативных интенций: *интериоризации* (устремленности внутрь себя, обеспечивающей личностность) и *экстериоризации* (устремленности вовне, предполагающей диалогичность).

Почему личность нуждается в *овнешнении* (тиปично бахтинское словечко)? Да хотя бы просто потому, что невозможно быть чем-то внутренним без внешней стороны. При этом никакая внешняя манифестация не действительна без свидетеля, без другой личности. По общезвестной формуле Бахтина, «Я не могу обойтись без другого, не могу стать самим собою без другого; я должен найти себя в другом, найдя другого в себе (во взаимоотражении, во взаимоприятии)» [Бахтин 1979: 312]. Тогда как бытие вещи нисколько не нуждается в со-бытии другой вещи. Смысловое соположение вещей привносится в мир личностью. При этом о «смысловом преображении бытия» Бахтин говорил, что оно «сильнее всякой силы». [Бахтин 2002в: 427].

Антиномия «личность – вещь», лежащая в основании философского персонализма, имеет, по крайней мере, три фундаментальных аспекта:

а) онтологический: если вещь может быть как уничтожена, так и воссоздана вновь, то «ядро личности», как именует Бахтин внутреннее пространство «я» в его целостности, невоспроизводимо (уникально) и неуничтожимо. Личность, писал А. Ф. Лосев, «абсолютно самородна, оригинальна. Не было и не будет никогда другой такой же точно личности», вследствие чего «она есть нечто остающееся совершенно неизменным в течение всего своего изменения» [Лосев 1994: 162]. Отсюда подчеркиваемая Бахтиным «важность добраться, углубиться до творческого ядра личности (в творческом ядре личность продолжает жить, то есть бессмертна)» [Бахтин 1979: 371]. Однако полнота личностного бытия нуждается в веществности, как «ядро» нуждается в «оболочке», поскольку личность по природе своей со-бытийна: быть вещью можно и без относительно к другим вещам, быть личностью возможно только по отношению к иной личности. Каждая личность есть *внутреннее событие* мировой жизни, неотъемлемое звено тейяровского «ноогенеза»;

б) гносеологический: в противоположность вещи личность обладает своим, по выражению Бахтина, «внутренним пространством», которое недоступно внешнему познанию. Это не подлежащий наблюдению извне ментальный

внутренний мир – уникальная интериоризация внешнего мира. «Антитеза внутреннего и внешнего», согласно рассуждению А. Ф. Лосева, «совершенно необходима для понятия личности», поскольку, во-первых, всякая личностная структура представляет собой «пребывающее ядро и переменчивые акциденции», а во-вторых, личность «есть всегда противопоставление себя всему внешнему, что не есть она сама» [Лосев 1994: 73]. Научному описанию поддаются лишь поверхностные слои личностной структуры, ее «вещные», акцидентные (побочные) проявления, но не само внутреннее «я», способное, однако, раскрываться исповедально: «личность не поддается (сопротивляется) объектному познанию и раскрывается только свободно диалогически (как ты для я)» [Бахтин 1979: 324];

в) семиотический: любая вещь может служить знаком (личности или другой вещи, или отношения), тогда как личность, манифестируемая знаками, сама в качестве знака чего бы то ни было использована быть не может. Личность в различных контекстах может наделяться различными значениями, однако при этом она самодостаточна в качестве жизненного *смысла* и, подобно всякому смыслу, актуализируется лишь при встрече с иным смыслом (для чего, собственно говоря, ей и потребна межличностная среда вещей-знаков). В знаковой среде этот сокровенный смысл бытия каждого внутреннего «я», подобно лучу света, дробится на множество относительных, несамостоятельных значений, составляющих семантику личной жизни (увиденной как текст повседневно творимой биографии). Но сама личность в этом отношении транссемантична. Она есть абсолютная человеческая ценность, точка отсчета в той системе ценностей, которая упорядочивает изнутри «я» картину внешнего мира.

Лакруа и Мунье, издававшие журнал «Esprit», усматривали истоки персонализма у Сократа и Платона. С существенными оговорками, но весьма позитивно относились к экзистенциалистам и Ницше, к Руссо, Канту и Марксу, к русскому анархисту Бакунину и к Бердяеву, многим другим мыслителям. По их представлениям персонализм не может рассматриваться как некоторая философская школа, он является глубинной тенденцией интеллектуальной жизни.

Однако, если взглянуть на ситуацию по-бахтински, без альтернативного полюса персонализм утрачивает свои границы и расплывается в некую аморфную хвалу личности. На самом деле конструктивной альтернативой персонализму выступает *пантеизм*, не сводимый к обожествлению природы. Речь о пантеизме в данном случае тоже в широком смысле – как об иной глубинной тенденции мышления о мире и о месте человека в нем.

Граница здесь пролегает между двумя радикальными онтологическими аксиомами первоосновы всего сущего: аксиомой монады и аксиомой универсума. Данное размежевание касается также и религиозной сферы: у человечества имеются культы, в которых Бог мыслится личностью, и иные – где он выступает надличностной инстанцией.

Подлинным философским истоком персонализма мне представляется «Монадология» Лейбница, согласно которому бытие есть всеобъемлющее, по-русски можно сказать *соборное*, единство бесконечного множества уникальных перспектив видения этого единства, то есть «бесконечное множество возможных универсумов». Всякая духовная монада мыслилась Лейбницием как

автономная и уникальная субстанция, наделенная восприятием (интериоризация) и стремлением (экстериоризация). Такая монада – очевидный прообраз понятия «личности» в персонализме.

Параллельно с персоналистической философией Лейбница несколько ранее сформировалась пантеистическая философия Спинозы, которому бытие виделось как существование всего лишь одной всеобщей и бесконечной субстанции. Всякая же конечная частность, подробность жизни мыслилась Спинозой как несамостоятельный эпифеномен исходной субстанции.

Наиболее наглядно соотносительность пантеизма и персонализма можно показать, обратившись к литературе. Русская классика весьма очевидно раздваивается на пантеистическую и персоналистическую линии: Тютчев, Тургенев, Толстой, Бунин – яркие вехи художественного пантеизма, тогда как Пушкин, Лермонтов, Достоевский, Чехов – очевидные персоналисты.

Нет ничего удивительного в том, что именно Достоевский привлек к себе особое внимание персоналиста Бахтина. Духовная встреча двух персоналистов привела к возникновению понятия о полифонии сознаний, которую Бахтин разъяснял, в частности, относительно ярко пантеистического рассказа Толстого «Три смерти». У Толстого три разрозненные и очень разные смерти «объединены и осмыслены только в едином объемлющем кругозоре автора» [Бахтин 2002б: 317], выступающего носителем всеохватного видения жизни в ее природном всеединстве. Здесь «вопрос и ответ с точки зрения третьего сознания и его «нейтрального» мира, где все заменимо, неизбежно деперсонафицируются» [Бахтин 1979: 371]. «Для Достоевского такое построение целого невозможно <...>. Он заставил бы все три плана отражаться друг в друге <...>. И свою правду также противопоставил бы всем трем правдам диалогически как четвертую, так что она не могла бы быть привилегированной» [Бахтин 2002б: 317].

Это рассуждение неслучайно перекликается с картиной мира в «Монадологии» Лейбница, разъясняемой там с простодушной простотой: если несколько путников приблизятся к одному городу с разных сторон, им одновременно откроются как бы разные города, но ни одно из зрелиц невозможно будет признать менее истинным, поскольку они суть «перспективы одного и того же соответственно различным точкам зрения каждой монады» [Лейбниц 1982: 423].

На этой персоналистической оптике базируется формула Бахтина: «Мир как событие (а не как бытие в его готовости)» [Бахтин 1979: 364]. Тогда как пантеистическая вселенная вполне готова в качестве абсолютной тотальности и поэтому внесобытийна. Из бахтинской же «событийности бытия» вытекает неоднократно возникающая в его текстах мысль о единственности и «незаместимости» позиции присутствия в бытии каждой личности, ибо каждая есть внутреннее событие мировой жизни, неотъемлемое звено «ноогенеза», как его трактовал Тейяр де Шарден (еще один принципиальный персоналист).

В «Монадологию», как мне представляется, уходит своими корнями бахтинская онтология интерсубъективности. Истина, настаивал Бахтин, присуща «не самому бытию, а только бытию познанному и изреченному» [Бахтин 1979: 396–397] (контрпантеистическое утверждение). Он не был релятивистом, онтологическая действительность истины для Бахтина несомненна, однако

«единая истина требует множественности сознаний», поскольку она «принципиально невместима в пределы одного сознания», она «по природе *событийна* и рождается в точке соприкосновения разных сознаний» [Бахтин 2002а: 92]. Иначе говоря, реальность реальна постольку, поскольку открыта двум и более сознаниям. Такая реальность несводима к материальности.

Это персоналистическая онтология. Слово «я» в бахтинском словоупотреблении аналогично лейбницевой «монаде» и означает никем не заместимое место в миропорядке². Такое хронотопическое «место» не только источник человеческой субъективности, но одновременно источник интерсубъективности, поскольку «я не могу стать собою без другого». А столь для персоналиста неожиданное, на первый взгляд, повышенное внимание к соборному «народному телу» карнавальной культуры объясняется тем, что описанный Бахтиным феномен есть ни что иное, как аналог интерсубъективности человеческого духа, металингвистического «диалога» в статусе онтологической категории.

Литература

- Бахтин 1979 – Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
- Бахтин 2002а – Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского // М. М. Бахтин. Собр. соч. в 7 т.: Т. 6. М., 2002.
- Бахтин 2002б – Бахтин М. М. Дополнения и изменения к Достоевскому // М. М. Бахтин. Собр. соч. в 7 т.: Т. 6. М., 2002.
- Бахтин 2002в – Бахтин М. М. Рабочие записи 60-х – начала 70-х годов // М. М. Бахтин. Собр. соч. в 7 т. Т. 6. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Бахтин 2003 – Бахтин М. М. Проблема формы, содержания и материала в словесном художественном творчестве // М. М. Бахтин. Собр. соч. в 7 т.: Т. 1. М.: Русские слова-ри; Языки славянской культуры, 2003. С. 265–325.
- Лейбниц 1982 – Лейбниц Г.-В. Соч. в 4тт.: Т. 1. М.: Мысль, 1982.
- Лосев 1994 – Лосев А. Ф. Миф – Число – Сущность. М.: Мысль, 1994.
- Stern W. Person und Sache. System des kritischen Personalismus. Bd. 1-3. Leipzig, 1906-1924.

References

- Bakhtin 1979 – Bakhtin M. M. Aesthetics of verbal creativity. Moscow: Iskusstvo, 1979.
- Bakhtin 2002a – Bakhtin M. M. Problems of Dostoevsky's creativity // M. M. Bakhtin. Collected works in 7 volumes: vol. 6. Moscow, 2002.
- Bakhtin 2002b – Bakhtin M. M. Additions and changes to Dostoevsky // M.M. Bakhtin. Collected works in 7 volumes: vol. 6. Moscow, 2002.
- Bakhtin 2002b – Bakhtin M. M. Working notes of the 60s – early 70s // M.M. Bakhtin. Collected works in 7 volumes: vol. 6. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2002.
- Bakhtin 2003 – Bakhtin M. M. The problem of form, content and material in literary art // M. M. Bakhtin. Collected works in 7 volumes: Vol. 1. Moscow, 2003.
- Leibniz 1982 – Leibniz G.-V. Soch. in 4 volumes: Vol. 1. Moscow: Mysl, 1982.
- Losev 1994 – Losev A. F. Myth – Number – Essence. Moscow: Mysl, 1994.
- Stern W. Person und Sache. System des kritischen Personalismus. Bd. 1-3. Leipzig, 1906-1924.

² Бахтин порой и сам прибегал к термину «монада» (см., например: [Бахтин 2003: 282]).